

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ТРЕТЬЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1923 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

НЕКРОЛОГИ

ПАМЯТИ ПРОФ. В. Д. СМИРНОВА

Следуя прекрасному примеру своего покойного учителя, памяти которого посвящаются эти строки, примеру, завещанному им в некрологе И. Н. Березина, мы начнем словами Василия Дмитриевича: «Не всестороннюю и решительную оценку личности, жизни и деятельности покойного... мы намереваемся сделать над свежей могилой его, а только хотим отдать дань уважения учеников к учителю и исполнить долг товарищей товарищу по общему нашему ученому поприщу кратким напоминанием о главнейших событиях в летописи его жизни и таким же указанием на итоги его ученой деятельности, дающие ему право на занятие подобающего места в истории русской науки, в частности науки востоковедения».

В. Д. Смирнов, родившийся 28 июля 1846 года, провел свое раннее детство на Бирючей Косе под Астраханью, в Астрахани окончил духовное училище, а семинарское образование получил в Перми, откуда в 1865 году переехал в Петербург, следовательно около 20 лет провел на границе Запада и Востока, прежде чем появился типичным бурсаком для получения высшего образования в наиболее европейском из городов России.

Отец В. Д. был сначала сельским псаломщиком, а затем диаконом и умер, когда сыну было всего 8 лет. Только человек недюжинной воли, выдающихся способностей и высокого рвения к знанию и к лучшей жизни мог в положении неимущего сироты, каким был В. Д., преодолеть все трудности и невзгоды на пути от бедного материальными средствами, учителями и учебными пособиями Астраханского духовного училища до профессорской кафедры столичного университета.

В живых рассказах остроумного наблюдателя и талантливого собеседника В. Д. жуткий, но все же не лишенный трогательных, светлых черт быт бурсаков производил на слушателей еще более волнующее впечатление, чем очерки Помяловского. Бесконечно жаль, что В. Д. так и не удосужился исполнить просьбы своих почитателей и увековечить книгой свои бурсацкие воспоминания. Оставшиеся после него в большом количестве дневники, насколько мне пока удалось установить, начинаются с 1862 года, когда он переехал в Пермь, и далеко уступают по производимому ими на читателя впечатлению его устных рассказов, хотя и представляют, на ряду с его акkuratнейшими записями приходов и расходов, вполне определенную ценность, как материалы для характеристики времени и среды — провинциальной и столичной, в которых жил покойный.

Подвиг В. Д. по подготовке к ученой деятельности в области востоковедения в условиях его личной жизни был едва ли меньшим, чем подвиг его учителя Березина, названный В. Д. Смирновым «проявлением своего рода мужества на поприще языковедения». Как и Березин, В. Д. прошел исключительно русскую школу востоковедения в ту пору, когда она еще не сравнилась с западно-европейской в отношении научных методов. Может быть, в меньшей степени, чем Березин, но все же В. Д. был поклонником некоторых, по крайней мере, сторон западно-европейской культуры, хотя до конца жизни позволял себе с большей или меньшей серьезностью оспаривать положительное значение западно-европейских приемов филологических разысканий.

Подобно Березину, В. Д. принадлежал к категории тех востоковедов, которые интересуются Востоком, но не преклоняются пред ним, а, напротив, относятся к нему свысока и несколько пренебрежительно.

Мне представляется, наконец, что было нечто общее между учеником и учителем и в языке их произведений, особенно написанных для широкой публики.

В. Д. попал в университет не прямо из семинарии, а из Петербургской Духовной Академии, где он пробыл недолго. Университетскими товарищами В. Д. были барон В. Р. Розен и К. Г. Залеман, впоследствии — академики, которые пришли на факультет восточных языков совершенно из другой среды, чем В. Д., и со значительно иной, чем он, подготовкой, которые смогли, в отличие от В. Д., усовершенствовать свое образование в Западной Европе и затем основать на факультете новую школу научного востоковедения, существующую поныне. В лице незабвенного В. Д. Смирнова сошел в могилу вслед за проф. А. М. Позднеевым последний богатырь, имеющий свои несомненные заслуги старой школы российского востоковедения, крупнейший из туркологов — османистов России, пользовавшийся известностью и в Западной Европе.

Окончив университет в 1870 году, В. Д. с 1873 года до самой смерти, т. е. почти полвека, преподавал в университете османский язык, историю османской литературы и некоторое время — историю Турции, в 1873 г. защитил магистерскую диссертацию «Кучибей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции», в 1887 г. докторскую — «Крымское ханство под верховенством Отоманской порты до начала XVIII века». Продолжение второго труда было напечатано в XV томе «Записок Одесского Общества Истории и Древностей» под заглавием «Крымское ханство под верховенством отоманской порты в XVIII столетии» (1889 г.). В 1891 г. вышло литографированное издание «Образцовых произведений османской литературы в извлечениях и отрывках», повторенное в 1903 г. с некоторыми изменениями и дополнениями. Одновременно с первым изданием «Образцов» появились в свет, в серии Кириичникова и Корша «История всемирной литературы», «Очерк истории турецкой литературы» (1891 г.). В 1897 г. был напечатан во французском переводе каталог турецких рукописей библиотеки Учебного Отделения Министерства иностранных дел. Одинадцатому международному съезду ориенталистов в Париже был посвящен вышедший в 1898 г. труд «Турецкие легенды о св. Софии и о других византийских древностях», критически разобранный бар. Розеном в Записках Восточного Отделения Археологического Общества (т. XI). К отдельным изданиям В. Д. относятся, наконец, «Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма» (1881 г.). Из работ В. Д., помещенных в сборниках и журналах, наиболее крупными являются: «Грамота султана Османа II семейству иудейки Киры» (в сборнике «Восточные заметки» 1895 г.) и «Мнимый турецкий султан, именуемый у европейских писателей XVI в. Calepinus Cyriscelebes» (в XVIII т. Зап. Вост. Отд.).

Впервые В. Д. вступил на научное поприще в студенческие годы, написав сочинение о восточных заимствованиях в русском языке, которое было удостоено весьма лестного отзыва и золотой медали в 1869 году. Извлечение из этой работы было напечатано в 1911 г. в XXI т. Записок Восточного Отделения под заглавием «К объяснению значения слова кандаль». Об интересе В. Д. к происхождению культурных слов свидетельствуют: вышеупомянутая статья о мнимом турецком султани, касающаяся вопроса о турецком слове «челеби», не вышедшая еще в свет работа о Тьмутаракани в Византийском Временнике и подготовлявшаяся перед смертью статья о слове «боярин». Но главное призвание В. Д. составляла история, и он не раз в беседах со мной выражал сожаление, что по окончании университета остался по кафедре турецкого языка и словесности, а не по истории Востока. Тогдашний представитель этой кафедры, В. В. Григорьев, был любимейшим учителем В. Д.

Работа В. Д. не ограничивалась стенами университета, который он высоко ценил, и его учебного кабинета, который своим уютом, богатой и разнообразной по составу библиотекой и всей обстановкой свидетельствовал о тонком вкусе и культурности хозяина. Одно время В. Д. преподавал русскую литературу в средних школах, и мне приходилось слышать от его бывших учеников весьма теплые отзывы об этой его деятельности. Долгое время В. Д. служил в Публичной библиотеке, где между прочим давал краткие описания вновь поступавших восточных рукописей. Был В. Д. и гласным Городской Думы, и ревизором городских начальных школ, и цензором мусульманских изданий. Любил он заниматься и домашним хозяйством. Отшельнический образ жизни был чужд В. Д., он любил общество, музыку, театр и сам в молодости играл на скрипке.

Поездки в Турцию, на Кавказ, в Крым, в Западную Европу, во время которых В. Д. усердно занимался в рукописных библиотеках и уделял некоторое внимание (поскольку речь идет о востоке) изучению археологии, быта, народной словесности, позволили ему собрать обширные материалы, и только часть этих материалов ему удалось использовать в печатных трудах, значительная же их доля оставлена им в наследство его преемникам.

В последние годы своей жизни, совпавшие с революционным временем, В. Д. увлекся переводческой работой для «Всемирной Литературы»: он отделял старые

свои переводы, переводил заново, снабжал переводы введениями, и таким образом в редакции издательства «Всемирная Литература» ждет своей очереди целый ряд крупных трудов В. Д., не дожившего до их издания: османские сказки, анекдоты ходжи Насреддина, извлечения из путешествия Эвлия-Челеби, история крымского хана Сахиб-гирея, написанная Раммаль-оджой. Последняя болезнь (закупорка вен на ноге) застала В. Д. за работой над восточными версиями Шейлока.

В. Д. серьезно заинтересовался русской литературой, составил библиотеку русских писателей XVIII века и беспредельно любил Пушкина, бюст которого красовался в его кабинете на почетном месте. Будучи депутатом Петербургского университета на открытии памятника Александру Сергеевичу в Москве, он посвятил этому событию восторженную статью «Открытие памятника Пушкину в Москве», заканчивающуюся так: «как-то не верилось, что все, что тут недавно происходило, было не сон, а живая действительность, — такова сила влияния великих гениев на души их заурядных почитателей; таков результат общественного предприятия, исполненного свободно, искренно, дружно и бескорыстно, к полному удовольствию всех и каждого, к чести и славе родной страны!»

Касаясь личных свойств В. Д., мы можем сказать про него, как он сказал про Березина: «покойный... был... острый на слова собеседник... откровенен во взглядах и прямодушен в суждениях». Не все, знавшие В. Д., питали к нему расположение, и он сам не всех жаловал, но во все времена он имел немало друзей и почитателей, а в последние годы его жизни число его поклонников, благодаря происшедшему смягчению в его характере, несомненно возросло, и, заменив имя И. Н. Березина именем В. Д. Смирнова, мы закончим слово памяти нашего учителя, как и начали, цитатой из его заметки на смерть Березина:

«Конечно, жизнь всем дорога, и никто охотно не расстанется с нею, разве при каких-нибудь исключительных неблагоприятных обстоятельствах. Но если нам неизбежно суждено рано или поздно покинуть этот свет, то уж лучше покидать его в таких летах и при таких безобидных отношениях к покидаемому на земле присным и знакомым, когда бы можно было, отдавая богу душу, сказать при этом: «Ныне отпущаеши раба твоего с миром!»

Мы, кажется, не будем неправы, если признаем, что оно так и произошло с покойным В. Д. Смирновым.

А. Самойлович

Аббас-Эфенди Абд-Аль-Беха

27 ноября 1921 года скончался в Хайфе (Палестина) Аббас Эфенди Абд-Аль-Беха, глава религиозного учения бехаидов, хорошо известного в Европе и Америке. Он родился в 1844 году; его отец Бехаулла (1817 — 1892) произвел реформу учения бабидов, которое получило от него имя бехаизма и, выйдя из рамок ислама и других откровенных религий, превратилось в общечеловеческую универсальную систему, нашедшую много последователей не только на востоке, но и в западном мире, особенно в северной Америке. По смерти своего отца Абд-аль-Беха стал во главе движения. Турецкая революция 1909 года освободила его от необходимости жить без права выезда в Акке; после этого он предпринимал большие путешествия по Европе и северной Америке, произносил речи в различных протестантских церквях и публичных собраниях Парижа, Лондона, Эдинбурга, Соединенных Штатов. По возвращении в Палестину он поселился в Хайфе, у подножия горы Кармель, и пользовался большим влиянием среди представителей

всех наций и религий, равно как всех классов населения, благодаря обаянию своей выдающейся личности. Внешним образом это проявилось на его похоронах 29 ноября, в которых приняли участие все жители Хайфы и ближайших местностей. В 40-й день после его кончины, на торжественных по восточному обычаю поминках его преемником был объявлен его внук Шауки Раббани, студент в Оксфорде. Это повидимому грозит некоторым расколом, так как одна партия среди бехаидов более достойным преемником покойного считает его брата Мухаммеда Али, живущего в Акке.

Бехаидов, как и бабидов связывают с Россией тесные духовные узы. Изгнанные из Персии бабиды нашли убежище на Кавказе и в Средней Азии, где в Асхабаде была воздвигнута их первая мечеть. Русские востоковеды первыми обратили внимание на их учение и посвятили исследование и истории его ряд капитальных работ. В русской изящной литературе оно нашло себе отклик в двух драматических произведениях И. Гриневской («Баб» и «Бехаулла»). Бехаиды любили Россию, и автор этих строк живо вспоминает тот интерес, с которым расспрашивал его в 1910 году Аббас Эфенди при первом знакомстве в Хайфе. Разговор шел на арабском языке,